

Е.И. Маурин

Людовик и Елизавета

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.6
ББК 84-4
Е11

Е11 **Е.И. Маурин**
Людовик и Елизавета / Е.И. Маурин – М.: Книга по Требованию, 2021. –
250 с.

ISBN 978-5-4241-1803-6

Роман Евгения Маурин о закулисной жизни монархов и их окружения.
Царица Елизавета II - главная героиня романа.

Но на первом плане оказывается не столько историческая эпоха, сколько
интимные похождения персонажей - венценосных особ и их фаворитов.

ISBN 978-5-4241-1803-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Е.И. Маурин, 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

I

В XVIII веке идея самодержавного единовластия не пользовалась симпатиями «верхов» русского общества. Требуя от народа слепого, рабского подчинения, не допуская даже и мысли о возможности влияния "подлой черни" на ход государственных дел, дворянство для себя лично домогалось права на руководящую роль в управлении страной, и вся русская история XVIII века по существу своему является историей борьбы между олигархическими аппетитами русской аристократии и стремлениями монархов прочно внедрить абсолютное признание своей единой воли. Конечно, ввиду полной разобщенности монарха с народом дворянство неизбежно оставалось бы победителем в этой борьбе, если бы его притязания покоились на идейной, а не на корыстной почве. Но «верхи» в погоне за благами земными разбивались на партии, и стоило одной кучке взять верх, как другая немедленно начинала вести подкоп против нее.

Немудрено, что при таком положении вещей период от Петра Великого до восшествия на престол Александра I был столь богат так называемыми "дворцовыми революциями". Особенностью последних были их крайняя изолированность и однообразие рецепта. Не только народ в широком смысле этого слова, но даже ближайшие придворные не всегда знали, просыпаясь утром, что вчерашний монарх уже свержен и сегодня царит новый. А рецепт употреблялся всегда один и тот же: брали роту солдат и арестовывали венценосца — только и всего; простота, которой не встретишь в истории переворотов всех других стран.

Петр Великий всю жизнь работал над освобождением трона от олигархических притязаний дворянства. Для противовеса родовому дворянству он вызвал к жизни дворянство служилое, где недостаток происхождения с лихвой восполнялся талантами и работоспособностью. Именно при нем и даже в его присутствии вельможа из бывших пирожников Меншиков сказал убогом разумом князьку-Рюриковичу, кичившемуся своим происхождением: "Ты, батюшка, потомок, ну, а я — предок!" Если бы Петру I было дано жить два века или если бы ему наследовал достойный его, преобразователя, монарх, то самодержавная власть, опираясь на новое служилое дворянство, была бы упрочена. Но Петр Великий умер, не завершив своего дела и даже не назначив себе наследника. Это сразу поставило трон в зависимость от партий.

В то время были две партии: одна хотела видеть Екатерину I русской государыней, другая настаивала на правах внука Петра, сына царевича Алексея (Петра II), и соглашалась только на регенство Екатерины. Верх взяла первая партия, Петр II был объявлен наследником.

Царствование Екатерины I и Петра II вполне подходило под мерку олигархических претензий дворянства. Екатерина I не имела никаких данных для сознательного правления, Петр Второй был слишком юн для этого. Это разожгло аппетиты: после смерти Петра II дворянство самовольно обошло права цесаревны Елизаветы и призвало на трон племянницу Петра Великого герцогиню Курляндскую, Анну Иоанновну.

Призывая ее на трон, знать поставила весьма немалые условия, а именно:

ограничение самодержавия. Согласно им императрица ровно ничего не могла делать своею властью без согласия тех восьми персон, из которых состоял Верховный Тайный Совет. Анна Иоанновна согласилась на эти условия, которые давали большой вес партии князей Долгоруких и Голицыных. Зато возмутились Головкины, Трубецкие, Барятинские, Черкасские и др. На сцену была выдвинута вершительница судеб многих последующих монархов — "рота солдат". И вот, опираясь на армию, императрица разорвала подписанную ею олигархическую конституцию и стала править "самодержавно".

Анна Иоанновна призвала ко двору дочь своей старшей сестры Екатерины Иоанновны — принцессу Мекленбург-Шверинскую Елизавету-Екатерину-Христину, во крещении — Анну Леопольдовну. От брака Анны Леопольдовны с принцем Антоном Ульрихом Брауншвейг-Люнебургским родился принц Иоанн. Умирая, Аниа Иоанновна назначила своим наследником последнего, а регентом повелела быть герцогу Бирону.

Бирон имел свои счеы с родителями малолетнего императора, которые и поспешили поэтому отделиться от неудобного регента. На сцену вновь вышла "рота солдат" — Бирон был арестован, Анна Леопольдовна провозгласила себя правительницей.

При обеих Аннах в России царило полное немецкое засилье. В мемуарах современников то и дело встречаются такие фразы: "Такой-то отличился и должен был получить командование полком, но на свою беду он русский". Этим положением вещей воспользовалась цесаревна Елизавета Петровна и с помощью "роты солдат" арестовала всю семью малолетнего императора.

В дальнейшем все та же "рота солдат" фигурировала еще раз при ниспровержении Екатериной II своего супруга и наследника Елизаветы — Петра III. Сын и наследник Екатерины II император Павел был устранен уже без участия «роты» усилиями ближайших придворных. Это была последняя "дворцовая революция".

При императоре Николае I нашумевший бунт декабристов был последним активным усилием дворянства и армии вмешаться в государственную жизнь. Но это было вызвано уже совершенно иными идейными мотивами, да и представляло собой отзвук XVIII века в XIX, своего рода исторический пережиток. С XVIII веком окончательно умерли олигархические претензии дворянства.

II

Мы упоминали выше, да и иллюстрировали примерами однообразие рецептов русских переворотов XVIII века. Но для одного из этих переворотов, а именно — для революции 1741 года, возведшей на российский престол императрицу Елизавету, необходимо сделать оговорку: переворот 1741 года по своей внутренней подоплеке был гораздо сложнее, чем можно было подумать судя по первому взгляду. Достаточно вспомнить только, что весьма активное участие в подготовке к воцарению Елизаветы Петровны принимал французский посол Шетарди. Из сборника донесений Шетарди, извлеченных из французских архивов Тургеневым и переведенных Пекарским, можно видеть, что это делалось не без участия французского правительства. Значит, в данном случае мы имеем дело не только с правлением олигархических тенденций русского дворянства, но и с планомерной иностранной интригой.

Действительно, достаточно самого поверхностного знакомства с историческими документами, чтобы убедиться, что переворот 1741 года при всей своей внешней простоте и шаблонности внутренне довольно сложен. Это было далеко не случайное явление, а логическое следствие ряда взаимодействующих причин, корни которых разветвлялись широко и по времени, и по пространству.

Предлагаемый роман бытописует именно этот переворот, и сложность последнего в достаточной мере усложняет задачу автора. Историческое повествование должно соединять в себе достоинства и художественного романа, и исторического очерка. Но первый требует живости изложения, второй — ясности исторического рисунка эпохи. В то же время ничто так не мешает необходимому нарастанию интереса развития романтической интриги, как бесконечные отступления в область исторических ссылок и справок. Стремясь как-нибудь выйти из этой дилеммы, автор решил выделить всю историческую часть в настоящем предисловии.

Мы уже указывали выше, что интересующий нас переворот произошел не без участия французского правительства. В какой же мере и степени выразилось это участие?

Ответ на последний вопрос нам может дать краткий очерк истории русско-французских сношений, к которому мы и обращаемся.

III

Впервые о прямых попытках к русско-французскому союзу упоминается в хрониках XVII века, когда в 1629 г. к царю Михаилу Федоровичу явилось чрезвычайное посольство от Людовика XIII. Глава посольства, Дюгэй-Корменен, от имени своего короля приглашал русского царя слиться тесным союзом с Францией. Ведь "белый царь" — глава православия, а французский король — глава католических стран; таким образом, если два таких «Потентата» будут действовать заодно, то им покорятся все остальные государства.

Предложение Корменена встретило очень благосклонный прием, но Москва была тяжела на подъем, и дело кончилось простыми уверениями в дружбе. Вплоть до Петра Великого вопрос о союзе с Францией оставался совершенно открытым.

В первое время своего царствования Петр I не мог помышлять о союзах. Россия терпела военные неудачи, а союз с иностранным государством только тогда выгоден обеим сторонам, когда и та, и другая стороны верят в обоюдную мощь. Русскую мощь еще надлежало доказать. Только разгромив шведов и отомстив туркам за неудачи Прутского похода, Петр обратил взоры на Францию.

В то время Францией от имени малолетнего Людовика Пятнадцатого правил регент (герцог Орлеанский). Петр I послал в Париж своего агента (Зотова), который должен был позондировать настроение и, если возможно, подготовить почву. Но никаких дипломатических полномочий этот агент не имел. Петр имел свои основания не желать, чтобы о его планах узнали другие державы. И вот, не оповещая никого о своих намерениях, Петр в конце 1716 года отправился в заграничное путешествие и через Пруссию прибыл в Голландию, которая в то время представляла собою нечто вроде "меры международных соглашений". Голландским представителем Франции был маркиз Шатонейф — личность, по своему положению и качествам пользовавшаяся особенным доверием правитель-

ства. Петр послал к Шатонефу своего министра, князя Куракина, который и сообщил французскому послу о желании русского императора завязать союзные сношения с Францией; Куракин просил Шатонефа сообщить своему правительству, что Петр лично направляется с этой целью в Париж.

Донесение Шатонефа привело правительство регента в большое смущение.

На это были две причины. Россия открыто враждовала с Англией, а Франция в дружбе последней весьма нуждалась; кроме того, ни Англия, ни Франция не признали еще официально императорского титула Петра, и посещение Парижа царем грозило немалыми затруднениями. И вот Шатонеф получил предписание: внешне склоняться на всяческие заверения в дружбе, но по существу не решать ничего и ничего не отвечать на желание царя посетить Париж. Авось пронесет Господь!

Но не с Петром можно было вести такую политику!

Разгадав французскую тактику, Петр, никого не предупреждая, в марте 1717 года сел на корабль и отправился в Париж, куда и прибыл 7-го мая того же года.

Тут на месте, в Париже, Петр не добился ничего. Франция была очень склонна связать быстро крепнувшего "северного колосса" выгодным договором, но на беду о переговорах узнала Англия, вмешалась энергичной нотой, и Петр уехал как бы ни с чем. Однако это было только "как бы". Через два месяца в Амстердаме был подписан договор между Францией, Пруссией и Россией.

После подписания этого договора между обеими странами — Францией и Россией — воцарились очень хорошие отношения. Первая сразу же сумела оказать второй большую услугу: по энергичному представлению французского посла при шведском дворе, Кампредона, шведское правительство пошло на уступки, и в Нюстадте был подписан очень выгодный для России мир (1721 г.). После этого Кампредона назначили министром-президентом при петербургском дворе.

IV

Во время своего пребывания в Париже Петру пришлось повидать и малолетнего короля Людовика XV. Царю очень понравился этот крошечный король, который уже умел осанкой и благородными жестами свидетельствовать о своем сане. Вопреки всяческому этикету Петр схватил короля-ребенка, поднял его на воздух и расцеловал. "Очень возможно, — говорит А. Вандаль, — что именно тогда царю пришла в голову мысль женить короля на своей дочери, царевне Елизавете".

На первых порах об этих планах сноситься с Францией было неудобно. А там пришла весть, разрушившая их: правительство регента избрало невестой Людовику малолетнюю инфанту испанскую, которую привезли во Францию и стали воспитывать в качестве французской принцессы. Ко времени приезда в Россию Капредона Петр уже узнал об этом. Но он не оставлял мысли породниться с Францией и, когда посол прибыл в Кронштадт, встретил его там, а через полчаса уже посвятил его в свои планы: сын регента, герцог Шартрский, был уже холост: если бы его женить на царевне Елизавете, то Россия помогла бы провести герцога на польский престол.

Таким образом, три страны, связанные теснейшими узами крови, могли бы действовать заодно. При этом Петр таил в уме еще иное: Людовик был слаб

здоровьем, с ним то и дело происходили припадки; умри он без потомства и первым кандидатом на французский престол явился бы герцог Шартрский; значит, Елизавета все-таки вступила бы на французский престол!

Сам Кампредон был всецело на стороне брачных проектов Петра, но его правительство хотело как можно больше выгод и решило отмалчиваться. Петр негодовал, Кампредон слал депешу за депешей. Положение стало очень напряженным, и Петр замкнулся в оскорбленном молчании.

Кампредон сознавал, какую бестактность совершает его правительство отмалчиваясь, но что он мог поделать? Между прочим в своих письмах Кампредон очень восторженно отзывался о наружности и общей «приятности» царевны. Что же касается ее воспитания и образования, то... он спешил уверить, что с умом и способностями Елизаветы все дефекты могли бы быть скоро исправлены...

В 1723 году регент Франции, герцог Орлеанский, умер, и Людовик передал власть главе дома Кондэ, герцогу Бурбонскому. Впрочем, это только говорилось официально, а на самом деле власть перешла к возлюбленной герцога маркизе де При, которая принялась теперь вертеть страной и ее политикой так же безалаберно, как до того вертела одним герцогом. Маркиза была вздорна, не умна и недостаточно образована. Ее друг, д'Аржансон, записал в своих мемуарах: "В течение двух лет маркиза управляла государством. Но сказать, что она управляла хорошо, это — уже другое дело!" Да и могла ли она управлять «хорошо», если в своей внутренней и внешней политике руководствовалась только капризом и воображением? Не зная истинной политической физиономии союзных стран, маркиза дополняла дефекты знания вымыслом и воображением и считалась не с действительными обстоятельствами и условиями, а с ею же лично придуманными. Немудрено, если такая политика ввергла Францию в большую политическую ошибку.

Оставив брачные проекты, Петр стал искать только прочного союза с Францией. Но на одно из его предложений, инспирированный маркизой регент, герцог Бурбонский, дал царю такой сухой, резкий, невежливый ответ, что, казалось, с Францией будет порвано навсегда. Только смерть Петра (1725 г.) помешала открытому разрыву.

V

После смерти Петра Екатерина I деятельно принялась пристраивать Елизавету.

Вообще трудно пересчитать, скольких женихов невестой была Елизавета — чуть не всех северо-германских принцев, Морица Саксонского, сына герцога Эрнеста Бирона, собственного племянника Петра II, шаха персидского и т. д. И вот в разгар этих матримониальных хлопот пришла радостная весть: надежда сделать из Елизаветы французскую королеву далеко еще не потеряна!

Еще незадолго до смерти Петра Великого французское правительство внутренне должно было отказаться от мысли женить Людовика на испанской инфанте.

С королем той дело случались припадки, и врачи уже не раз приговаривали его к смерти. Что было бы, если бы он умер бездетным! Между тем инфанте было только семь лет, Людовику же шестнадцать; значит, еще долго пришлось бы ждать, пока свадьба могла бы состояться, но дожил ли бы до этого король?

Французское правительство начало стараться взять у Испании обратно данное слово, но Испания упорно не желала понимать никаких намеков. Тем не менее правительство разослало по всей Европе тайных эмиссаров присматривать невест. К 1725 году на основании донесений этих эмиссаров был уже составлен длинный список "годных невест". В нем второе по желательности брака место занимала царевна Елизавета Петровна.

Этот список имел чисто академическое значение. Но вдруг Людовик опасно заболел. Врачи заявили, что дни короля сочтены и что если он даже оправится от этого припадка, то проживет во всяком случае недолго. Если врачи того времени и ошибались не реже теперешних, то им больше верили.

Правительство встревожилось. Испания все еще продолжала не понимать никаких намеков. "Придется, — заявил министр иностранных дел де Морвиль, — идти напролом и сейчас же отослать инфанту домой". Это и было решено 11-го марта 1726 года, а уже 10-го апреля, когда даже французские агенты за границей ничего не знали о состоявшемся решении, императрица Екатерина I имела точные сведения о положении вопроса женитьбы Людовика XV.

Императрица тут же принялась "ковать железо, пока горячо". Вызвав к себе Кампредона, она прямо и просто предложила в невесты Людовику царевну Елизавету. На следующий день посла посетил «сам» Меншиков и произнес блестящую речь в защиту предложения императрицы: раз инфанту отсылают «во-свои», то почему бы королю не жениться на Елизавете? Меншиков принялся расхваливать физические и нравственные достоинства царевны, а затем помянул, что в истории уже имеются прецеденты брачных слияний Франции с Россией (в XI в. Генрих I внук Гуго Капета, женился на дочери Ярослава), словом, с точки зрения как физической, так и исторической, и политической, брак Людовика и Елизаветы мог бы быть только желателен обоим нациям!

Через два дня Екатерина снова вызвала Кампредона и дополнила свой план: французского принца крови можно было бы женить на дочери изгнанного польского короля Станислава Лещинского и со временем возвести первого на польский престол!

Все это Кампредон сообщил своему правительству.

Но мы уже упоминали, что в то время Францией правила вздорная маркиза де При. Мысль о браке Марии Лещинской пришла ей очень по сердцу, было решено женить короля на Лещинской, и эта вздорная мысль была к несчастью для Франции осуществлена.

Именно "к несчастью". Ни с политической, ни с физической точек зрения Мария не подходила Людовику. Ведь она была дочерью изгнанного короля, и ее то предпочитали принцессе великой монархии! А с физической — Мария была на семь лет старше Людовика XV, да и благодаря своей холодности не могла приковать к себе надолго мужа.

Правда, на первых порах у новобрачных дети рождались в самый кратчайший срок и почти без перерывов. В четыре года брака Людовик имел уже пятерых детей! Но из этого еще нельзя выводить суждение о счастливом браке короля. Необходимо помнить, что Мария Лещинская была первой женщиной, которую познал король, и что он вместе с крайней чувственностью соединял в себе величайшую застенчивость (в юности). Но стоило только ему в первый раз побороть свою застенчивость, как с женой было порвано. Впоследствии Людовик разорил

Францию на своих любовницах. Да, дорого стоила стране прихоть маркизы Де При!

Так или иначе, но Россия справедливо приняла этот брак как оскорбление. Меншиков категорически заявил Кампредону, что всякий другой брак был бы понятен, но только не этот. В результате Россия совершенно отвернулась от Франции и заключила союз с Австрией.

С этого момента первую скрипку в России начали играть немцы.

В 1726 году Кампредона отозвали и не заменили его никем: необходимейшие функции без полномочий вести переговоры исполнял секретарь посольства Маньян.

Правительство Анны Иоанновны не могло простить Франции афронт с царевной Елизаветой. Еще с национальным достоинством можно было как-нибудь поладить — какое в сущности дело было всем тем немцам, которые правили Россией, до русского самолюбия? Но если бы Людовик женился на Елизавете, то это избавило бы Анну Иоанновну и ее наследников от опаснейшей претендентки. Теперь же, успев «по-свойски» расправиться со своей девичьей свободой, Елизавета Петровна решила не выходить замуж и оставалась "бельмом на глазу" русского правительства.

Франции в самом непродолжительном времени пришлось на деле убедиться в ошибочности своей политики. Польский король Август умер, и шляхта под давлением Франции избрала на польский престол отца французской королевы Станислава Лещинского. Россия сейчас же выдвинула войска в Варшаву, сместили этого короля и возвели на его место принца-электора Саксонского.

Конечно, Франция не осталась в долгу. Кардинал Флери, державший в то время бразды правления, вовлек турок в войну с Россией, а когда русские войска под предводительством фельдмаршала Миниха одержали блестящую победу, то Франция сумела Белградским трактатом свести все успехи русского оружия "на нет".

Варшавский скандал и Белградский мир были уроком для обеих стран. Русский двор завел переговоры о возобновлении прерванных дипломатических сношений, а версальский двор предупредительно пошел навстречу.

Анна Иоанновна назначила посланником во Францию князя Антиоха Кантемира. Тогда Людовик XV приказал французскому министру при берлинском дворе, маркизу де ла Шетарди, отправиться в Петербург французским посланником.

До нас дошел мемориал, составленный французским министерством иностранных дел и врученный послу для сведения и руководства. Там было указано, как посол должен был вести себя с точки зрения этикета, чтобы не уронить достоинства представляемой страны; что же касается политической роли, то о ней сказано очень осторожно и двусмысленно. Так, словно мимоходом замечая, что, "вспоминая незначительность права, которое возвело на русский трон герцогиню Курляндскую, когда налицо имелась царевна Елизавета и сын герцогини Голштинской, трудно предполагать, чтобы по смерти царствующей государыни не последовали волнения", мемориал тут же спешил огородиться, что король не только ничего не предписывает на этот счет своему посланнику, но и не находит возможным предпринимать что-либо. Но к чему могла служить эта оговорка, раз у французского правительства действительно не было в мыслях

интриговать против русской царствующей фамилии? К тому же далее мемориал предписывал послу "исследовать как можно вернее состояние умов, степень влияния друзей, которых может иметь Елизавета, словом, все, по чему можно было бы судить о возможности в России государственного переворота".

Вообще можно с полной уверенностью сказать, что, посылая в Россию Шетарди, Франция уже заранее считалась с возможностью вмешаться в наши внутренние дела.

Да иначе оно и быть не могло. В то время на континенте боролись три влияния: Франции, Австрии и Пруссии, и Россия давала значительный перевес той стране, с которой шла "рука об руку". При обеих Аннах — императрице и правительнице — Россия была верным другом немцев и не могла быть ничем иным. Следовательно, склонить Россию в свою сторону Франция могла только при перемене царствующей особы.

Царевна Елизавета Петровна являла все гарантии, что с вступлением ее на престол Россия от немцев перекинется к французам. С детства Елизавету Петровну воспитывали в мысли стать французской принцессой и любить все французское: кроме того, от немцев ей пришлось слишком натерпеться. Путь к сердцу "северного колосса" лежал через корону Елизаветы, следовательно, ей надо было добыть таковую!

Вот где мы, наконец, подходим к клубку, завязавшемуся в тот самый момент, когда Петр Великий поднял и расцеловал малолетнего Людовика.

VI

Из донесений Шетарди и мемуаров современников ясно видно, что с приездом маркиза де ла Шетарди, Франция, официально расшаркиваясь перед императрицей Анной Иоанновной, подпольно будировала против нее, натравливая на Россию шведов и заигрывая с Елизаветой Петровной.

Трудно было подыскать для такой роли более подходящего человека, чем тридцатичетырехлетний Иоахим Жак Тротти, маркиз де ла Шетарди. Это был идеальный образец дипломата XVIII столетия, когда от посла требовалось очень мало государственной опытности, но много лицемерия, двуличия, беспринципности и неразборчивости в средствах. К тому же маркиз был молод, хорошо сложен, красив, остроумен и любезен. Интриги были его родной стихией. Он сразу понял, чего от него ждут, а потому направился в Россию во главе блестящей свиты, с лучшим поваром того времени Барридо, с несколькими подводами великолепнейших платьев и с 100 000 бутылок тонких французских вин (в то время французское вино служило немалым подспорьем французских дипломатов, о чем свидетельствуют уцелевшие памфлеты того времени).

Русский двор, никогда не знавший ни в чем меры, устроил Шетарди такую пышную встречу, что даже сам надменный и тщеславный маркиз был смущен. Окруженный чуть не царскими почестями, он приехал в Петербург. Императрица приняла его в торжественной, пышной аудиенции, после которой посол прямо направился к царевне Елизавете Петровне. Она очаровала его любезностью и приветливостью, но зато совсем иное впечатление вынес Шетарди от посещения принцессы Анны Леопольдовны, к которой отправился от Елизаветы.

Анна Леопольдовна и вообще-то не производила особенно счастливого впечатления, отличаясь редким безличьем и полнейшей апатичностью. Кроме того,

будучи совершенной игрушкой в руках немецкого влияния, принцесса встретила французского посла оскорбительно холодно и почти невежливо. Шетарди тут же дал себе слово посчитаться когда-нибудь с нею за это!

Обосновавшись в Петербурге, Шетарди начал действовать. Прежде всего ему надо было сойтись с русской аристократией, чтобы исполнить ту часть инструкции, где говорилось об исследовании настроения умов. Но русские сторонились его.

Тогда энергичный маркиз обратился к министру иностранных дел Остерману с официальной жалобой. Русским было приказано сделать визит послу. Но придя в первый раз по принуждению, они стали потом с удовольствием приходить добровольно: маркиз сразу сумел очаровать их обращением и угощением.

До смерти Анны Иоанновны Шетарди только заигрывал в политическом смысле с Елизаветой Петровной, но на прямую интригу в ее пользу не шел. Без денег трудно было что-нибудь сделать: Елизавета была бедна, кардинал Флери скуп. Только смерть Анны Иоанновны (ноябрь 1740 г.) заставила маркиза попринажать пружину: мешкать было нельзя, дать утвердиться на престол Брауншвейгской династии значило надолго отказаться от мысли привлечь к себе Россию. Сначала Шетарди еще рассчитывал купить Бирона, надеясь уговорить свое правительство дать необходимые для этого средства, тем более, что содействие Бирона таксировалось довольно дешево, и тогда можно было бы обойтись и без Елизаветы Петровны. Но Бирона по приказанию Анны Леопольдовны арестовали, мать малолетнего императора провозгласила себя правительницей, а теперь вне переворота для Франции спасения быть не могло.

Еще одно важное политическое событие произошло в то же время. Австрийский император Карл VI умер, завещав корону своей дочери Марии Терезии. При его жизни это завещание — "Прагматическую санкцию" — признали все державы, но после его смерти все захотели урвать по кусочку, и на Марию Терезию ополчились: электор баварский, король испанский, курфюрст саксонский и король прусский. Франция не могла допустить новое усиление Пруссии и встала на сторону Австрии, но исход дела зависел от того, на чью сторону встанет Россия. Правда, Россия была всецело под немецким влиянием, но ведь теперь сами немцы восстали друг на друга. Влиятельный Миних был за Пруссию, принц — супруг Анны Леопольдовны, как племянник австрийской императрицы, — за Австрию. Долго Россия не знала на что решиться. Наконец, было решено помочь Австрии. Но тут в Петербург вновь прибыл английский посол Финч, который предложил гарантировать Брауншвейгской династии русский трон, если Россия соединится с Англией против Франции. Правительница подписала договор в этом смысле.

Теперь французам уже немислимо было мешкать, а потому Шетарди рьяно пустился в интригу и вступил в прямые сношения с Елизаветой Петровной и ее партией.

VII

Впрочем, была ли у Елизаветы «партия»? Нет, в точном смысле этого слова ее не было. Ведь партия должна представлять собою нечто стройное, сплоченное, дисциплинированное, действующее сознательно в определенном направлении под влиянием единой центральной воли. Ничего подобного в деле Елизаветы